

Г. А. Джаншиев

Сборник статей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г. А. Джаншиев**
Сборник статей / Г. А. Джаншиев – М.: Книга по Требованию, 2017. – 546 с.

ISBN 978-5-458-14789-7

Со вступительной статьей "Памяти Григория Аветовича Джаншиева" академика А. Ф. Кони и перепиской Г. А. Джаншиева с А. Ф. Кони. С приложением портрета Г. А. Джаншиева. Под редакцией В. П. Обнинского. Сборник издан к юбилею судебной реформы 1864-1914 гг.

ISBN 978-5-458-14789-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Памяти Григорія Аветовича Джаншіева.

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. явились однимъ изъ лучшихъ звеньевъ въ послѣдовательномъ ряду преобразованій Императора Александра II. Ими былъ рѣшительно и безповоротно упраздненъ старый судъ, снискавшій себѣ всеобщее неуваженіе. Просыпавшееся общественное правосознаніе не мирилось съ организованнымъ и замкнутымъ въ обветшавшія формы безсудемъ, вооруженнымъ канцелярскимъ крючкотворствомъ, безгласностью, корыстной волокитой и шедшими въ разрѣзъ со здравымъ смысломъ и справедливостью пріемами и способами отысканія болѣе, чѣмъ сомнительной, истины. Поэтому обнародованіе Судебныхъ Уставовъ было встрѣчено единодушнымъ сочувствіемъ. Но „медовой мѣсяцъ“ обновленнаго суда продолжался недолго. По мѣрѣ того, какъ гласность, устность, непосредственность въ оцѣнкѣ доказательствъ и правовыхъ доводовъ и состязательное начало становились обычнымъ явленіемъ и входили въ плоть и кровь судопроизводства, живой общественный интересъ къ этимъ новшествамъ остывалъ, понемногу замѣняясь нездоровымъ любопытствомъ толпы къ сенсаціоннымъ подробностямъ процессовъ. Рядомъ съ этимъ стали поднимать голову тѣ, которыхъ можно назвать „потерпѣвшими отъ новаго суда“,—недовольные равноправіемъ предъ судомъ и примѣненіемъ новаго закона „не взирая на лица“. А затѣмъ противъ новыхъ учрежденій и ихъ дѣятелей, обобщая ихъ извинительныя во всякомъ дѣлѣ человѣческомъ единичныя ошибки и промахи въ общее печальное и тревожное органическое явленіе, начался походъ во вліятельной части печати. Людямъ, хранившимъ въ душѣ завѣты Судебныхъ Уставовъ и отдавшимъ всѣ свои силы судебной реформѣ, пришлось во многихъ отношеніяхъ стать въ тяжелое и нерѣдко совершенно беззащитное положеніе противъ инсинуацій и печатныхъ выпадовъ, въ которыхъ злобая

односторонность нерѣдко опиралась на невѣжественную неосвѣдомленность. Можно было бы, однако, несмотря на это, спокойно идти своей дорогой, если бы нападенія на судебное вѣдомство не находили для себя благопріятную почву въ области управления и законодательства, постепенно расходившаяся съ коренными началами, вложенными въ реформы шестидесятихъ годовъ. Изъ этой области стали по временамъ грозить, а иногда и осуществляться различныя увѣчья по отношенію къ Судебнымъ Уставамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ силу нашего печальнаго свойства быстро нагрѣваться и скоро остывать, самый образъ служителя первыхъ годовъ обновленнаго суда сталъ подчасъ тускнѣть, расплываться и растрчивать прежнія черты. Такое положеніе вещей не могло не тревожить тѣхъ, кому были дороги Судебные Уставы и проникающая ихъ человѣчность и кто не могъ смотрѣть на этотъ величавый и стройный памятникъ законодательства, какъ на обыкновенный, обыденный законъ, выработанный въ бюрократической средѣ и измѣняемый подъ вліяніемъ „злобы дня“. Для нихъ поэтому настоятельно возникла нравственная задача развивать и осуществлять основныя начала Уставовъ въ ихъ примѣненіи къ жизни—и словомъ, дѣломъ и собственнымъ примѣромъ оберегать ихъ отъ извращенія въ текущей судебной практикѣ. Предстояло въ ячейки огромнаго трудового улья, воздвигнутаго этими Уставами, вложить соответствующее содержаніе. Чѣмъ дальше шло время отъ составленія и обнародованія Судебныхъ Уставовъ, тѣмъ больше сходили со сцены ихъ создатели и живые истолкователи намѣреній въ нихъ вложенныхъ. Въ ихъ рѣдѣющіе ряды проникали то тутъ, то тамъ практики, въ глазахъ которыхъ временныя условія, случайныя явленія и превратно понимаемыя потребности жизни пріобрѣтали господство надъ „отживающими свой вѣкъ“ идеалами составителей Судебныхъ Уставовъ. Поэтому на ряду съ личнымъ служеніемъ этимъ идеаламъ нужно было непрестанно и настойчиво напоминать о нихъ устнымъ и печатнымъ словомъ. Какъ бы ни были, однако, горячи, вдумчивы и житейски обоснованы эти напоминанія, ихъ однихъ было недостаточно. Люди не любятъ и избѣгаютъ думать логическими посылками; отъ продуманныхъ соображеній ихъ въ большинствѣ случаевъ удерживаетъ „лѣнь ума“ и трудность отрѣшить-

VII

ся отъ привходящихъ впечатлѣній дѣловой или бездѣльной суеты. Отсюда господство картинъ и образовъ, составляющихъ для большинства отправную точку мышленія. Они освѣщаютъ и направляютъ шаги челоуѣка или настойчиво рисуютъ, что грозитъ или привлекаетъ въ будущемъ. Такимъ образомъ явилась необходимость не только разсуждать и поучать о томъ, что вложено въ Судебные Уставы, но и описывать трудовой путь и благотворную дѣятельность ихъ составителей. Это особенно нужно у насъ, гдѣ забвеніе составляетъ такое быстро наступающее и обычное явленіе. Къ словамъ великаго поэта: „мы лѣнливы и не любопытны“ можно съ неменьшимъ основаніемъ прибавить: „и неблагодарны“. Необходимо напоминать жи в у щ и х ъ о б ъ у с о п ш и х ъ, вызывая симпатію и уваженіе къ дѣятелямъ правды и справедливости, оживляя ихъ нравственно привлекательные образы. Въ особенности это важно по отношенію къ молодому поколѣнію. Для него не можетъ быть бесполезно или бесплодно повѣствованіе о почтенной жизни и „непостыдной кончинѣ“ тѣхъ, чье служеніе родинѣ было безкорыстно, полно труда и терпѣнія, любви и чувства долга. Въ нашей общественной жизни бываютъ періоды, когда, при быстро наступающей и подолгу господствующей въ ней апатіи, смѣло поднимаются голоса, отрицающіе плодотворное дѣло прошлаго и взывающіе къ давно отжившимъ порядкамъ и ихъ сошедшимъ со сцены представителямъ.

Наступило полвѣка существованія Судебныхъ Уставовъ и невольнo приходятъ на память имена людей, послужившихъ Уставамъ своимъ трудомъ и дарованіями каждый въ своей сферѣ дѣятельности и многое сдѣлавшимъ для уясненія ихъ происхожденія и условій дальнѣйшаго ихъ практическаго развитія. Въ этотъ свой трудъ они вложили свое духовное я и до конца жизни стояли на своемъ посту, несмотря на физическіе недуги и чрезвычайныя испытанія.

Одному изъ такихъ—къ сожалѣнію немногихъ—людей посвящена настоящая книга.

Григорій Аветовичъ Джаншіевъ отличался отъ единомышленныхъ съ нимъ по убѣжденіямъ и идеаламъ свойствами своей природы и характеромъ своей дѣятельности. Это былъ челоуѣкъ горячаго темперамента, страстный и впечатлительный. Тамъ, гдѣ другіе спокойно развивали свои взгляды, отмѣчая

VIII

холоднымъ сарказмомъ то, что имъ грубо противорѣчило или ихъ оскорбляло, Джаншиевъ пылалъ трудно сдерживаемымъ негодованіемъ и спѣшилъ высказаться горячимъ словомъ, подкрѣпляемымъ цитатами, сравненіями и поэтическими образами. Человѣкъ разносторонне и глубоко образованный, онъ черпалъ изъ богатаго запаса своей выдающейся памяти историческіе и философскіе аргументы, примѣры и сравненія, украшавшіе его основную мысль и переплетавшіеся съ нею. Въ его отношеніи къ реформамъ Александра II, обновившимъ и преобразившимъ общественный бытъ Россіи, неумолчно слышались восхищеніе и ревнивая тревога любящаго сердца. Посвятивъ почти всю свою дѣятельность исторіи этихъ преобразованій, онъ не сдѣлался историкомъ-лѣтописцемъ, который „спокойно зреть на правыхъ и виновныхъ“, а поставилъ себѣ задачей закрѣпить по свѣжимъ слѣдамъ живое преданіе объ эпохѣ и ея дѣятеляхъ. Для этого онъ былъ неутомимъ не только въ сборѣ и разработкѣ архивныхъ матеріаловъ, но и въ отысканіи, выражаясь словами „Русской Правды“, видоковъ и послуховъ и въ разпросѣ ихъ. Это, если можно такъ выразиться, производство слѣдствія придало особую жизненность его печатнымъ трудамъ, обогатило ихъ интересными подробностями и дало ему возможность повѣдать читателямъ о душевномъ складѣ и житейскихъ испытаніяхъ описываемыхъ имъ дѣятелей. Онъ искалъ знакомства и личныхъ свиданій съ ними, или съ тѣми, кто ихъ близко зналъ, оставляя въ первыхъ, какъ, на примѣръ, въ Арцимовичѣ, Зарудномъ, Ровинскомъ и Стояновскомъ, впечатлѣніе чловѣка, умѣвшаго въ мягкой и деликатной формѣ вызвать ихъ на воспоминанія о свѣтлыхъ годахъ лучшей поры ихъ дѣятельности и „о битвахъ, гдѣ вмѣстѣ рубились они“. Такъ составилъ рядъ монографій, проникнутыхъ исключительною теплотою и свободою мысли и слова, въ которыхъ яркими красками была обрисована трудовая жизнь выдающихся сотрудниковъ Царя-Освободителя въ рядѣ его послѣдовательныхъ реформъ. Этими монографіями въ общественномъ сознаніи закрѣплялась память о добрыхъ радѣтеляхъ на житейской нивѣ и оставлялся прочный, образный слѣдъ въ душѣ тѣхъ, кто былъ способенъ прислушаться къ голосу автора. Его нельзя было обвинить въ невѣрномъ изложеніи фактовъ, но иногда его упрекали въ томъ, что онъ говорилъ

объ излюбленныхъ имъ дѣятеляхъ и ихъ общественныхъ заслугахъ въ возвышенномъ и хвалебномъ тонѣ. Но тонъ этотъ былъ, однако, вполне искренній. И въ частной бесѣдѣ съ Джаншіевымъ и въ голосъ его во время публичныхъ чтеній чувствовался тотъ внутренній огонь, который невольно для автора вырывался на бумагу и согрѣвалъ его отзывы. При томъ Джаншіевъ былъ способенъ и на суровыя характеристики. Достаточно припомнить хотя бы его отзывы о графахъ Панинѣ, Д. А. Толстомъ и Валуевѣ въ статьяхъ объ освобожденіи крестьянъ, отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, цензурной и судебной реформахъ. Наконецъ, такъ ли у насъ часты и зурядны сочувственные и при томъ заслуженные отзывы объ общественныхъ дѣятеляхъ? Не преобладаютъ ли даже и въ благосклонныхъ оцѣнкахъ разрушающія ихъ добавки, начинающіяся словами „но“ и „хотя“? По своему темпераменту Джаншіевъ не былъ способенъ на неопредѣленность, оговорки и недомолвки, и къ нему нельзя было примѣнить словъ Апокалипсиса: „знаю дѣла твои: ты не холоденъ и не горячъ, ты только тепелъ“.

Самымъ выдающимся трудомъ Джаншіева безспорно слѣдуетъ признать его книгу: „Эпоха великихъ реформъ“. Трудно указать среди работъ по исторіи нашего законодательства болѣе живую, доступную по изложенію и проникнутую глубокой гуманностью и здоровой терпимостью книгу, чѣмъ эта. Не даромъ она въ первые четыре года съ своего появленія выдержала шесть изданій изъ семи въ общемъ количествѣ около двѣнадцати тысячъ экземпляровъ. Каковъ бы ни былъ кругозоръ и объемъ задачи будущаго историка Россіи въ періодъ преобразованій шестидесятыхъ и первой половины семидесятыхъ годовъ, онъ не обойдется безъ справокъ съ этой замѣчательной книгой, въ которой тщательное изложеніе хода законодательныхъ работъ переплетается съ яркими образами работниковъ и съ отголосками литературныхъ мнѣній. Предъ читателемъ проходитъ дѣйствительно вся эпоха великихъ реформъ съ вызвавшими ихъ причинами и побужденіями, съ упорной борьбой противъ нихъ за старое и отживающее и со стремленіями свести ихъ „на нѣтъ“, когда онѣ свершились, И въ заключеніе звучитъ тризна по тѣмъ изъ ушедшихъ, чья жизнь была связана съ ихъ осуществленіемъ, и привѣтъ остаю-

щимся въ живыхъ. Въ общемъ она производитъ бодрящее впечатлѣніе и будить въру въ то, что такая эпоха не только можетъ, но и должна повториться. Книга посвящена Грановскому и Бѣлинскому, къ памяти которыхъ Джаншіевъ относился съ благоговѣніемъ. „Есть имена, — говоритъ Джаншіевъ по поводу Бѣлинскаго, — при произнесеніи которыхъ невольно обнажается голова! Есть писатели, жизнь и творенія которыхъ такъ чисты и возвышенны, что чѣмъ больше съ ними знакомишься, тѣмъ больше проникаешься къ нимъ уваженіемъ, удивленіемъ, почти благоговѣніемъ. Такія имена какъ бы очищаютъ человѣка, нейтрализуютъ все, что есть въ немъ мелкаго, низменнаго, мутнаго и, наполняя сознательнымъ умиленіемъ сердца почитателей, вырываютъ дань невольнаго уваженія даже у враговъ“. Старинный приѣмъ помѣщенія предъ каждой главой умѣло подобранныхъ эпиграфовъ придаетъ этой книгѣ нѣсколько необычный, милый видъ, напоминающій тридцатые и сороковые годы. Половина дохода съ послѣднихъ изданій „Эпохи великихъ реформъ“ предназначена была на благотворительныя цѣли. Такимъ образомъ, описывая жизнь и трудъ созидателей этихъ реформъ, онъ пріобшалъ ихъ къ добродѣлу и послѣ ихъ смерти. Особенною любовью Джаншіева между ними пользовался такъ много сдѣлавшій для судебной реформы Сергѣй Ивановичъ Зарудный. Съ особымъ уваженіемъ останавливался Джаншіевъ на его плодотворной законодательной дѣятельности въ подготовленіи крестьянской и судебной реформъ и съ особымъ участіемъ на его трагической судьбѣ, лишившей его возможности работать въ новомъ судѣ и замкнувшей его въ обветшалыя стѣны стараго суда, въ которыхъ онъ бился какъ рыба объ ледъ. Джаншіевъ сталъ какъ бы „сторожевою тѣнью“ у безвременной могилы этого замѣчательнаго человѣка, неощеннаго при жизни, и энергично отражалъ въ печати придиричивую критику узкихъ буквоѣдовъ и невѣжественныя нападенія „Дневниковъ“ князя Мещерскаго на юридическіе труды и изданія Заруднаго.

Неприкосновенность главныхъ положеній „Судебныхъ Уставовъ“ была предметомъ душевной заботы Джаншіева, но онъ могъ ратовать за нее только въ печати. „Помогите мнѣ Вашимъ богатымъ опытомъ, — писалъ онъ оберъ-прокурору кассационнаго суда — вѣдь я почти одинъ въ неравной борьбѣ съ

врагами новаго суда“. — Судьба, дальнѣйшее существованіе и развитіе двухъ институтовъ, подвергшихся наибольшимъ нападенымъ и особенно ему дорогихъ, заставляла его чутко прислушиваться и приглядываться ко всему, что ихъ касалось.

Въ судѣ присяжныхъ онъ видѣлъ одно изъ лучшихъ созданий составителей Судебныхъ Уставовъ, стоившее имъ не малой и трудной борьбы. И, дѣйствительно, судъ присяжныхъ въ своемъ живомъ осуществленіи соединялъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ, всѣ общія начала, внесенныя Судебными Устами въ отправленіе уголовного правосудія, а именно—независимость и самостоятельность судьи,—внутреннее убѣжденіе при рѣшеніи дѣла, свободное отъ предустановленной оцѣнки доказательствъ,—рѣшительный выводъ о винѣ или невинности, не подлежащій отмѣнѣ или пересмотру, если только онъ сдѣланъ при соблюденіи формъ и обрядовъ процесса,—господство живого слова взамѣнъ безцвѣтнаго однообразія письменнаго изложенія и связанная съ этимъ непосредственность воспріятія впечатлѣній, вліяющихъ на слагающееся заключеніе относительно подсудимаго, и наконецъ, участіе самого общества въ отправленіи правосудія. Какъ вдумчивый изслѣдователь подготовительныхъ работъ къ изданію Судебныхъ Уставовъ, Джаншіевъ зналъ, что судъ присяжныхъ въ Россіи имѣлъ очень слабые и сомнительные корни въ дореформенномъ прошломъ Россіи и что всѣ эти цѣловальники, судные мужи и засѣдатели нашихъ старыхъ судовъ по характеру и объему своей дѣятельности имѣли очень мало общаго съ присяжнымъ засѣдателемъ, созданнымъ Судебными Устами; онъ зналъ также, какъ разносторонне и, говоря словами поэта, „горестно и трудно“ разрабатывался этотъ институтъ при составленіи основныхъ положеній судебного преобразования. Ему были извѣстны въ подробности отрицательные взгляды на судъ присяжныхъ такого вліятельнаго законодательнаго дѣятеля, какъ гр. Блудовъ, такого опытнаго законовѣда-практика, какъ Корніолинъ-Пинскій, и такого ученаго юриста, какъ Спасовичъ, исходившіе изъ предположенія о неспособности русскаго человѣка отличать законъ отъ распоряженія начальства, преступника отъ несчастнаго, справедливость отъ милосердія и служеніе потребностямъ государства отъ личныхъ чувствъ и настроеній. Извѣстна ему была и точка зрѣнія на судъ присяжныхъ, какъ на учрежденіе

политическое, несомвѣстимое со строго монархическимъ строемъ Россіи и заимствованное съ „глетворнаго Запада“, на континентѣ котораго этотъ судъ составилъ одно изъ наслѣдій мятежныхъ переворотовъ. Съ глубокимъ сочувствіемъ прослѣдилъ онъ, какъ видно изъ его ссылокъ въ „Эпохѣ реформъ“, за походомъ, предпринятымъ Ровинскимъ, Буцковскимъ и Заруднымъ, противъ позицій, занятыхъ противниками присяжныхъ, походомъ въ защиту нравственнаго достоинства русскаго народа, его способности принять и усвоить себѣ учрежденіе, проникнутое довѣріемъ къ нему, а также необходимости въ дѣлѣ суда разумнаго раздѣленія вопросовъ факта и права. Поэтому онъ не могъ не предвидѣть, что учрежденію, не связанному съ прошлымъ, не имѣющему за собой предшествовавшего опыта и построенному исключительно на довѣрїи къ духовнымъ силамъ народа, предстоить тернистый путь. Такъ оно и случилось.

Встрѣченный сначала общимъ сочувствіемъ даже со стороны будущихъ настойчивыхъ и ожесточенныхъ враговъ, судъ присяжныхъ недолго могъ похвалиться тѣмъ, что по отношенію къ нему существуетъ „миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе“. Когда прошелъ интересъ новизны и состоялось нѣсколько рѣшеній, не оправдавшихъ начальственной увѣренности или не удовлетворявшихъ предвзятому общественному взгляду, а также казавшихся лишенными основанія читателямъ поверхностныхъ и одностороннихъ печатныхъ отчетовъ, начались сначала единичныя, а потомъ систематическія нападки на судъ присяжныхъ. Люди, не присутствовавшіе въ самомъ засѣданіи, гдѣ развертывался процессъ съ его неуловимыми для читателя, но важными для слушателя подробностями и впечатлѣніями, стали считать себя въ правѣ обрушиваться на представителей общественной совѣсти, называя ихъ—подчасъ выстрадавшаго на пути сомнѣній и сознанія своей нравственной отвѣтственности—рѣшенія возмутительными, а самый судъ присяжныхъ—„судомъ улицы“. Все это создало вокругъ этого суда атмосферу недоброжелательства и даже, въ лучшемъ случаѣ, равнодушія и крайней медленности въ устраненіи недостатковъ въ организаціи и правилахъ дѣятельности этого института. Въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ не было сдѣлано ничего для улучшенія дѣятельности комиссій, составлявшихъ списки присяжныхъ, для

прекращенія своеобразной „игры въ прятки“ въ видѣ запрещенія говорить присяжнымъ о карательныхъ результатахъ ихъ обвинительнаго приговора, для устраненія излишнихъ и вслѣдствіе этого потерявшихъ свое значеніе обрядностей и т. п. Однимъ словомъ этотъ судъ почти до послѣдняго времени не былъ, „любящей рукой ни охраненъ, ни обезпеченъ“. Мало этого: эта же рука повліяла чрезъ посредство Сената на то, что недостаточные присяжные засѣдатели изъ сельскихъ обывателей были лишены необходимаго матеріальнаго пособія, которое охотно принимали на себя многія земства. Дѣятели судебного вѣдомства, сознававшіе эти недостатки, не принимали долгое время участія въ нападеніяхъ на судъ присяжныхъ. Они понимали, какое подспорье для правосудія онъ составляетъ, и видѣли на личномъ опытѣ, сколько безкорыстнаго труда и сознанія своей служебной повинности и нравственной отвѣтственности предъ обществомъ вносили присяжные ежедневно по массѣ дѣлъ. Среди этой массы лишь рѣдко выдавались рѣшенія, съ которыми можно было не соглашаться со строго юридической точки зрѣнія, но которыя становились понятными съ точки зрѣнія житейской правды и безпристрастнаго отношенія къ судебному матеріалу, развернутому свидѣтелями, сторонами и экспертами предъ судьями общественной совѣсти, для которыхъ „сдѣлалъ“ и „виновенъ“ не могли быть синонимами. Не такъ однако относилось къ русскому суду присяжныхъ центральное вѣдомство—министерство юстиціи. Въ его нѣдрахъ постоянно возникали совѣщанія о необходимости подъ давленіемъ вліятельнаго недовольства причинить этому суду то или другое увѣчье, при чемъ это намѣреніе прикрывалось обыкновенно лицемѣрнымъ или близорукимъ желаніемъ спасти эту форму суда въ Россіи въ забвеніи, что ему въ концѣ-концовъ придется *propter vitam vivendi perdere causas...* Эти попытки вылились, наконецъ, въ проектъ устраненія присяжныхъ отъ участія въ дѣлахъ о преступленіяхъ должности и противъ порядка управленія, получившемъ свое осуществленіе въ законѣ 1878 года, послѣдовавшемъ послѣ громкаго процесса, въ приговорѣ, по которому вмѣсто поучительнаго урока усмотрѣнъ былъ лишь поводъ къ сокращенію подсудности суду присяжныхъ.

Все это видѣлъ и предчувствовалъ Джаншиевъ. Его благородная тревога за судьбу суда присяжныхъ отражалась въ его

письмахъ, личныхъ бесѣдахъ и статьяхъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Онъ былъ особенно взволнованъ заключеніемъ оберъ-прокурора Неклюдова при кассационномъ разсмотрѣніи извѣстныхъ дѣлъ Мельницкаго и Свиридова. Оно могло дать сильное оружіе въ руки противниковъ суда присяжныхъ, тѣмъ болѣе острое, что было произнесено съ необычнымъ въ подобного рода заключеніяхъ паѳосомъ и исходило отъ авторитетнаго и виднаго представителя судебного вѣдомства. Не даромъ противъ этого заключенія выступилъ со всей силой своего таланта и аргументаціи знаменитый Спасовичъ, признавъ тѣмъ самымъ ошибочность своего стараго взгляда на этотъ судъ и удостовѣривъ его высокое бытовое и правовое значеніе. Послѣдующія десять лѣтъ прошли для этого суда сравнительно благополучно. Кассационный Сенатъ въ значительной степени раздѣлилъ взглядъ тогдашней оберъ-прокуратуры на присяжныхъ, какъ на сложную, тонкую и воспримчивую организацію, для правильной работы которой необходимо тщательное соблюденіе условий и формъ, связанныхъ съ ея существомъ. Нельзя ожидать удовлетворительнаго вердикта тамъ, гдѣ къ несовершенству уголовного закона присоединяется необдуманная или неправильная постановка вопросовъ, гдѣ въ руководящемъ напутствіи не разъясняется важность и сущность преступленія, а преподаются превратныя понятія о его значеніи, гдѣ страстность и личныя пререканія сторонъ замѣняютъ спокойное достоинство совмѣстной работы, гдѣ въ дѣло наносится масса ненужнаго матеріала, утомляющаго и отвлекающаго вниманіе отъ сущности дѣла, и гдѣ, благодаря этому, извращается уголовная перспектива, и подсудимый съ потерпѣвшимъ мѣняются ролями. Данное въ этомъ смыслѣ заключеніе по дѣлу Палемъ, обвинявшейся въ убійствѣ студента Довнара, привело Джаншіева въ трогательное восхищеніе. Видя въ немъ не безъ основанія стремленіе перенести центръ тяжести обвиненія присяжныхъ въ постановленіи рѣшенія, несогласнаго со справедливостью, на дѣйствительно виновныхъ въ неправильномъ веденіи дѣла, начиная съ предварительнаго слѣдствія, онъ называлъ это заключеніе въ письмѣ къ тогдашнему оберъ-прокурору и въ статьѣ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ начинающимъ эпоху въ дѣятельности кассационнаго суда (Erochenmachendes). Образованная затѣмъ комиссія о пересмотрѣ Судебныхъ Уставовъ